

ИМЕЕТ ЛИ НАУКА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ?¹

© 2015 г. А. В. Юревич

Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, зам. директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва

Рассматривается вопрос о том, может ли наука иметь национальные особенности. Автор показывает, что, вопреки распространенным стереотипам, отрицающим национальное своеобразие науки, оно отчетливо проявляется во всех трех компонентах научного познания: в его объекте, процессе и продукте. Национальное своеобразие наблюдается как в социогуманитарных, так и в естественных науках, но проявляется в них неравномерно, нарастая по трём направлениям: 1) от естественных наук – к социогуманитарным; 2) от объекта, а затем продукта – к процессу научного познания; 3) от когнитивной составляющей этого процесса – к социальной. Значительное внимание в статье также уделяется национальному своеобразию российской науки и национальной специфике психологического познания.

Ключевые слова: научное познание, естественная и социогуманитарная наука, национальные особенности науки

Привычная для науковедения проблема национальных особенностей науки сейчас активно обсуждается и в других научных дисциплинах, в том числе в психологии. Это во многом связано с попытками органов управления отечественной наукой внедрить в нее такие якобы “интернациональные” практики, как наукометрические способы оценки научной продуктивности и т. п., что неизбежно актуализирует проблему соотношения национального и интернационального в науке. Так, в последних номерах “Психологического журнала” опубликованы две статьи, опровергающие общепринятые представления о том, что наука интернациональна во всех своих проявлениях и поэтому не может иметь национальных особенностей [10, 24].

В основе подобных стереотипов лежит тот базисный факт, что, скажем, закон всемирного тяготения одинаково действует и в Америке, и в Австралии, и в России, а научное знание – универсально и независимо от того, представителями какой именно нации оно создано. Эта “универсалистская” логика выглядит очевидной. Но существует и другая, не менее убедительная логика, основанная на большой зависимости научного познания от его *социокультурных предпосылок*. В частности, наука современного вида сформировалась лишь тогда, когда в обществе “вызрела”

соответствующая психология [3 и др.]. М. Вебер связывал эту психологию с протестантской этикой, при этом наука выглядела таким же закономерным проявлением протестантизма, как предпринимательство или частная собственность, и представляла как чисто “западное” явление: «только на Западе существует наука на той стадии развития, “значимость” которой мы признаем в настоящее время» [3, с. 44]. Если принять данную логику, то получается, что непротестантские народы имеют иные предпосылки научного познания, нежели протестантские, или не имеют их вовсе, и, соответственно, если и обладают наукой, то она имеет существенные отличия от западной, и поиск национальных особенностей науки уже не выглядит противоречащим здравому смыслу и универсальности научного знания.

Существуют еще два обстоятельства, придающие смысл поиску национальных особенностей науки. Во-первых, они ведутся в странах, имеющих хорошо развитую науку, но при этом не принадлежащих к западной культуре. Так, активный поиск специфики национальной науки развернулся в ряде исламских государств, например, в Турции, где звучат призывы построить, в противовес западной, особую исламскую науку (см. [29]). Во-вторых, наука западного типа признана, в том числе и на Западе, не единственно возможной. В частности, принята в качестве именно науки, а не экзотического собрания вненаучных наблюдений, традиционная восточная наука, что равносильно

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-03-00326а).

признанию: а) культурных особенностей науки (на Западе – одна наука, на Востоке – другая), б) принципиального плюрализма форм научного знания и способов его производства.

Столкновение двух логик – “универсалистской” и “партикуляристской” – порождает коллизию, похожую на сосуществование несоизмеримых парадигм в естественных науках – с той разницей, что в данном случае соперничающие парадигмы не поделены между различными частями научного сообщества, а сосуществуют в мышлении одних и тех же ученых, признающих одновременно универсальность основных форм научного познания и их социокультурную обусловленность. Дабы разрешить это противоречие, следует разобратся в соотношении национального и интернационального в науке.

Прояснить их соотношение в научном познании можно, препарировав его наиболее простым и общепринятым в науковедении способом: во-первых, вычленив *объект* (изучаемая реальность), *продукт* (научное знание) и *процесс* познания, во-вторых, дифференцировав его *когнитивную* и *социальную* составляющие, в-третьих, проведя различие между *естественными* и *социогуманитарными* науками. В каждом из выделенных пунктов системы научного познания соотношение национального и интернационального различно. Реальность, изучаемая естественными и производными от них инженерными, медицинскими и сельскохозяйственными науками, интернациональна (забудем на время об искажениях этой реальности такими личностями, как Т.Д. Лысенко), поскольку в любой точке земного шара действуют одни те же законы природы. Конечно, эти законы можно объявить “буржуазными” как, например, законы генетики, или вписать в идеологический контекст диалектического материализма. Но все это, разумеется, не географические или социокультурные изменения самой изучаемой реальности, а *артефакты* – ее искажения в процессе познания или того, что объявляется таковым. Сама же изучаемая естественными науками *природная* реальность универсальна и кросскультурна: независима от социокультурных условий ее изучения, и в данном пункте системы научного познания трудно найти место для национального.

Национальное своеобразие проявляет себя в *процессе* научного познания, в особенностях его *социальной* организации. То, что в разных странах научная деятельность организована по-разному, едва ли требует специального доказательства. Национальные различия сказываются и на уровне

макросоциальной, и на уровне микросоциальной организации научной деятельности.

Макросоциальные особенности национальной науки состоят в том, какие функции она выполняет в данном обществе, на развитие каких именно наук делает акцент общество, как организован институт науки в целом, как строится взаимодействие между его основными звеньями, например, между академической, прикладной и вузовской наукой, и т.д. Во всех этих отношениях национальная специфика отечественной науки – как советской, так и нынешней российской – выражена более чем отчетливо. Так, главной функцией советской науки была оборонная функция, т.е. обеспечение оборонной мощи государства, что проявлялось в оседании львиной доли общих ассигнований на науку в системе ВПК, а также в том, что практически любое естественно-научное исследование имело если не явную, то скрытую связь с оборонными целями. В современной России, переключившейся с характерной для советских времен “космической” на “политическую” траекторию развития науки, приоритет принадлежит таким дисциплинам, как политология и экономика, в то время как в западных странах акцент делается на медицину и разработку биотехнологий [25], и в этом проявляется макросоциальная специфика отечественной науки, предопределенная особенностями современного российского общества. Средняя зарплата нынешних российских ученых, значительно уступающая заработку их зарубежных коллег, их положение в нашем обществе тоже могут быть отнесены к макросоциальным особенностям современной российской науки, которые, как и основные проявления “загадочного” российского менталитета, не укладываются в понимание западных интеллектуалов.

Не столь рельефны *микросоциальные* особенности российской науки, которые, в отличие от макросоциальных, не лежат на поверхности и проявляют себя в основном на уровне социально-психологического контекста научной деятельности, охватывающего мотивацию ученых, их ценностные установки, взаимоотношения друг с другом и т.п. Но и в данном отношении российская наука тоже всегда выглядела достаточно специфичной и мало похожей на западную.

Так, например, одной из главных социально-психологических предпосылок западной науки послужил индивидуализм, сформировавшийся под влиянием протестантизма и во многом ответственный за утверждение характерного для нее атомистического стиля мышления. «Этический индивидуализм (“индивидуум” – латинский

перевод греческого “атом”) и естественнонаучный атомизм (корпускуляризм) в XVII – начале XVIII в. воспринимались как различные аспекты единого мироощущения, согласно которому основополагающими элементами природного и социального бытия являются самостоятельные индивиды (атомы, корпускулы), взаимодействие между которыми осуществляется внешне регулируемым, механическим образом и подчиняется жестким законам» [11, с. 109], – пишет Л.М. Косарева. Для российской же православной культуры был характерен коллективизм, существовавший не столько в форме стремления помогать ближнему (оно более характерно для рационального индивидуализма: помогу я, значит, помогут и мне), сколько в виде патриотического культа служения обществу, который проявился и в науке. В российской научной среде этот культ выражался в обостренном реагировании на нужды общества, в непосредственном проецировании его общих потребностей на уровень индивидуальной мотивации ученых. М.Г. Ярошевский показывает, что такие ученые, как И.М. Сеченов и И.П. Павлов, подчиняли свою научную деятельность решению не личных или узкопрофессиональных, а общесоциальных проблем, в результате чего естественная наука в России развивалась с учётом основных запросов и особенностей российского общества. Это отразилось на специфике вклада, который внесли в мировую науку российские естествоиспытатели: “если Германия дала миру учение о физико-химических основах жизни, Англия – о законах эволюции, Франция – о гомеостазе, то Россия – о поведении” [28, с. 29], поскольку “категория поведения сформировалась в духовной атмосфере этой страны и придала самобытность пути, на котором русской мыслью были прочерчены идеи, обогатившие мировую науку” [там же, с. 29]². А в советское время, по крайней мере, на первом его отрезке, индивидуалистический мессианизм, характерный для западных ученых и проявляющийся в настроениях типа “мои теории перевернут мир”, приобрел в нашей стране коллективистские формы, превратившись в мессианизм коллективистский, символом которого стали представления о предназначении науки как о “великом преобразовании природы и общества”³.

² Еще один яркий пример национального своеобразия науки, приводимый М.Г. Ярошевским: биоэлектричество, которое в те годы называли “животным магнетизмом”, французский ученый А.Л. Лавуазье изучал на лягушках, англичанин Г. Кавендиш – на своем слуге, а И.М. Сеченов – на самом себе [там же].

³ Подробнее об этом см.: [26].

Хорошо заметны и социально-психологические особенности современной российской науки, отсутствие которых на фоне специфики российского менталитета и тех условий, в которых оказались нынешние российские ученые, выглядело бы более чем странным. Среди таковых – переживание ими синдрома своей ненужности обществу, чувство превращения в людей второго сорта, незнакомого их западным коллегам, выдвижение эмиграции за рубеж в качестве одного из основных ориентиров научной карьеры [26] и т.п. Оптимисты склонны относить все эти явления к аномалиям, выражающим “ненормальное” и, как они надеются, временное состояние российской науки, что, впрочем, не опровергает правомерность рассматривать подобные “аномалии”, ввиду их специфически российского характера, в качестве национальных особенностей нашей науки.

Труднее уловить национальную специфику в *когнитивной* составляющей естественнонаучного познания. Но даже критерии рациональности, считающиеся его наиболее общими основаниями, различны в разных социокультурных контекстах. А. Кромби, например, насчитал в истории человечества шесть последовательно сменявших друг друга критериев рациональности [32]. Наверное, их можно насчитать больше или меньше – в зависимости от того, на основе каких метакритериев выделять сами эти критерии. Но главное – не количество критериев рациональности, а их изменчивость и социокультурная предопределенность: то, что, говоря словами Ст. Тулмина, “никакой единственный идеал объяснения ... не применим универсально ко всем наукам и во все времена” [21, с. 163]. Изменчивость критериев рациональности определяет принципиальный плюрализм систем познания, которые могут по-разному строиться в различных обществах, передавая их этнические, ментальные и т.п. особенности, свидетельством чему могут служить упомянутые выше западная и традиционная восточная наука.

Еще больший простор для проявления особенностей различных этносов открывается благодаря существованию в науке различных стилей мышления, понимаемых, согласно одному из определений этого популярного понятия, как “наиболее общая методологическая установка, которая определяет пути решения возникающих проблем и в то же время содержит в себе определенное видение мира, влияющее на сам выбор проблем, на их постановку” [18, с. 149]. Так, одной из главных предпосылок формирования западной науки Нового времени явилось утверждение в Европе стиля мышления, основанного на атомизме и ме-

ханицизме [см.: 4, 11; и др.], в рамках которого природа мыслилась как “механическая структура, напоминающая часы” [34, с. 1]. Этот стиль мышления имел зримые социальные корни, выражая особенности западного общества и характерные для него социальные отношения. «Популярность атомизма, по-видимому, была обусловлена и культурно-историческими факторами, в частности тенденцией к “атомизации” самого общества в XVII–XVIII вв.», – отмечает П.П. Гайденко [4, с. 17].

Конечно, отчетливое проявление в истории науки таких стилей мышления, как западноевропейский, еще не означает существования его национальных особенностей. Но, во-первых, как показывает, например, Р. Мертон, западноевропейский стиль научного мышления утверждался на фоне национальных и конфессиональных, прежде всего протестантских и католических, особенностей, в результате чего наука Нового времени формировалась в Англии, Франции, Германии и других западноевропейских странах по-разному [36]. Во-вторых, когда речь идет о национальных особенностях науки в такой стране, как Россия, точку отсчета действительно следует сместить на всю западноевропейскую науку, не сужая ее до науки, порожденной какой-либо одной европейской нацией. И неудивительно, что когнитивные особенности российской науки обычно ищутся именно в этом масштабе соотнесения.

Своеобразным примером такого поиска служит работа С.К. Шардыко [23]. Рассматривая науку в рамках схемы детерминации: этнос – традиции – мироотношение – тип рациональности – картина мира – научная парадигма и основываясь на предложенной В.С. Степиным дифференциации классической, неклассической и постнеклассической науки [20], он выделил три этнических типа науки. Во избежание недоразумений процитируем первоисточник: “История науки произвела три типа научной рациональности: ноуменологический (западноевропейский), феноменологический (семитический), и синтетический, – пишет С.К. Шардыко. – С двумя господствовавшими в разные периоды истории типами рациональности связаны крупные этапы эволюции науки: 1) классической науки, в развитии которой основная заслуга принадлежит западноевропейскому суперэтносу, и 2) неклассической науки, ключевые идеи которой есть плод интеллектуальных усилий преимущественно еврейского суперэтноса, 3) в становлении мирового господства науки постнеклассической, в которой максимальная роль, мы полагаем, будет принадлежать русско-

му суперэтносу”⁴ [23, с. 13]. Эту этнически обусловленную последовательность различных типов науки С.К. Шардыко иллюстрирует на примере физики. «Если классическая физика, закончившая свое становление в XIX в., есть наука ноуменологическая, основанная на “арийском” типе рациональности, ярко представленном в немецкой науке, значительно – во французской и в меньшей степени – в английской (это показал Н.Я. Данилевский). Физика XX в., возникшая на острие “высокого модернизма”, есть неклассическая феноменологическая физика, имеющая своим основанием особенности семитического типа рациональности, характеризуемого релятивизмом, диалектичностью, символизмом, индивидуализмом. Физика XX в. выстраивается кластером синтетических парадигм, генерируемых в соприкосновении или собственно в контексте принципиально не европейского рационализма» [там же, с. 16]. А прогноз о том, что будущее – за российской наукой, автор строит именно на вычленении особенностей российского научного мышления, главную среди которых видит в “синтетизме”, сменяющем западноевропейский “атомизм”.

Но, разумеется, самое трудное – уловить национальную окраску продукта естественно-научного познания – вырабатываемого естественными науками *знания*, и именно она встречает наибольшее сопротивление со стороны адептов “универсалистской” логики. Действительно, данное утверждение можно повернуть таким образом, что, например, в Англии существует одна физика, во Франции – другая, в России – третья, тем самым доведя его до абсурда. Однако абсурдность исчезает, если сдвинуть географические ориентиры – напомнить, что в Индии или в Китае многие века существовала не такая физика, как в Европе [см. об этом, например: 15]. В связи с этим уместно вспомнить популярную в философии науки мысль о том, что хотя физическая реальность и едина, возможны принципиально различные системы ее объяснения, что выражается, скажем, в сосуществовании корпускулярной и квантовой теорий. То есть, можно сформировать принципиально различные виды знания об одной и той же реальности, и это создает пространство для возникновения национальных особенностей знания.

Кроме того, научное знание существует в виде системы, характеризуемой, в частности, опреде-

⁴ Не вдаваясь в обсуждение обоснованности выводов, к которым приходит С.К. Шардыко, следует отметить, что националистического контекста, по крайней мере явного, они не содержат.

ленной пропорцией его видов, которая обусловлена направленностью национальной науки. То, о какой именно реальности национальная наука создает знание, во многом зависит от особенностей национального менталитета и общества, в котором она развивается. Это может быть проиллюстрировано многочисленными программами “обрусения” науки, обильно представленными в отечественной интеллектуальной традиции. К.С. Аксаков, например, сетовал: “мы уже полтора десятилетия стоим на почве исключительной национальности европейской, в жертву которой приносится наша народность; оттого именно мы еще ничем и не обогатили науки” [2, с. 111]. В унисон ему высказывался А.И. Герцен, которому отнюдь не были свойственны русофильские настроения: “нам навязали чужеземную традицию, нам *швырнули науку*” [5, с. 124]. А Н.И. Кареев писал: “для нас это (западная наука. – *А.Ю.*) – чужое платье, которое мы продолжаем носить по недоразумению” [8, с. 176], и призывал к “обрусению” науки, состоящему в “самостоятельной переработке усвоенного с присоединением к нему того, что выработала сама русская жизнь” [там же, с. 182].

Основные проявления западного научного мышления вызывали у российских интеллектуалов заметное раздражение. Аксакова, например, не устраивало то, что в его рамках “все формулируется”, “сознание формальное и логическое” не удовлетворяло Хомякова, “торжество рационализма над преданием”, “самодовлеющий рассудок”, “логический разум”, “формальное развитие разума и внешних познаний” гневно порицались Киреевским [19, с. 70]. Еще категоричнее был И.А. Ильин, усматривавший в западной науке “чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее – дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерный для католиков”⁵ [6, с. 440]. По его мнению, чтобы усвоить западную науку, “нам пришлось бы погасить в себе силы сердца, созерцания, совести и свободы или, во всяком случае, отказаться от их преобладания” [там же, с. 440]. И поэтому “русская наука не призвана подражать западной учености ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое *мировосприятие, свое исследование*” [там же, с. 442].

Подобные программы и призывы оказались в основном декларативными, не увенчавшись по-

строением какой-либо *особой* русской науки, если не считать ею такие специфически отечественные дисциплины, как история КПСС или научный коммунизм. Каждая отдельно взятая наука, по крайней мере “нормальная” – физика, химия, биология и т.д., развивавшаяся в России, мало отличалась от соответствующей науки, развиваемой на Западе. Но совсем иное впечатление складывается, если рассмотреть всю *систему* научного знания, которая в российской науке была заметно смещена относительно западной. Американские исследователи У. Гэвин и Т. Блэкли, охватывая российскую науку вполне объективным взглядом “со стороны”, подчеркивают, что “бунт против картезианства” [33, с. 101] – основы и символа западного научного мышления – состоялся именно в России, в результате чего в дореволюционной российской науке на первом плане оказалась “проблема человека, его судьбы и карьеры, смысла и цели истории” [там же, с. 16], а не те практические проблемы, которые стали центром притяжения в науке западной. Весьма похожую асимметрию системы научного знания можно обнаружить и в современной России, в отличие от Запада явно отдающей предпочтение не изучению законов природы, а объяснению социально-политических процессов, что выражается в отмеченном выше процветании таких наук, как политология и экономика, на фоне прогрессирующего разрушения естественной науки. Так что, если не в самом естественно-научном знании, то в уровне его развития, в его объеме и соотношении со знанием социогуманитарным национальные особенности российской науки проявляются более чем отчетливо.

Еще более очевидны национальные особенности самой социогуманитарной науки, и не только российской. Как пишут Б. Шефер и Б. Шледер, “гуманитарные и социальные науки ... характеризуются национально-культурными особенностями, которые не только составляют своеобразие той или иной страны, но и являются неотъемлемой частью развития научного знания. Оттого безоговорочная интернационализация поставила бы под вопрос сами основы этих наук” [24, с. 90]. Глубокий национальный отпечаток несет на себе уже сам *объект* социогуманитарной науки – изучаемая ею реальность. При всех непрекращающихся попытках наук об обществе выявить универсальные закономерности общественного устройства, разделяемой ими презумпции о том, что такие закономерности существуют, стремлении обществоведов формулировать свои обобщения как относящиеся ко всем временам и народам, они постоянно наталкиваются на то, что в

⁵ Отметим что это весьма нестандартный образ западной науки, традиционно связываемой не с католической, а с протестантской культурой.

различных культурах существует больше специфического, чем универсального, и каждая из них служит уникальным объектом изучения. Поэтому категории и объяснительные принципы, отработанные при изучении одних обществ, часто, если не всегда, не работают при их приложении к другим обществам, а иногда и вообще выглядят на новой “территории” довольно комично. Вот, например, как М. Мид описывает применение категорий европейской антропологии к аборигенам Самоа. “До моей поездки на Самоа я хорошо осознавала, что категории описания культуры, употребленные другими исследователями, были и не очень оригинальными, и не очень чистыми. Грамматики, созданные ими, несли на себе печать идей индоевропейских грамматик, а описания туземных вождей – европейское представление о ранге и статусе” [14, с. 12]. Нечто подобное происходит и при прямом проецировании на Россию закономерностей общественного устройства, характерных для Запада, что явилось одной из главных ошибок наших младореформаторов, окрещенных “чикагскими мальчиками” за прямолинейное наложение на нашу страну догматов чикагской экономической школы.

В том случае, когда объектом науки является не общество, а человек⁶, складывается аналогичная ситуация. Представители разных культур так же мало похожи друг на друга, как и сами эти культуры, и иное положение дел было бы противостественным, поскольку человек создает культуру, а культура формирует человека, и особенности различных обществ запечатлены в психологическом складе их членов. Даже такие базовые психические функции, как ощущения, восприятие, память и т.д., социально опосредованы, по-разному организованы у представителей разных культур и пронизаны их особенностями. Эти особенности, естественно, еще значительно проявляют себя на уровне целостной личности, трактуемой не только ортодоксальными марксистами, но и неортодоксальными фрейдистами (К. Хорни, Дж. Салливаном, Э. Фроммом и др.), как формирующейся в системе социальных отношений, которые, если не сводить их к наиболее банальным схемам социальной организации, достаточно специфичны для каждого из обществ. Эта логика, а также большой эмпирический опыт, свидетельствующий о существовании психологических особенностей разных культур, стоят за распространенным в ряде

социогуманитарных наук понятием “*модальная личность*” [13 и др.], под которой понимается совокупность психологических черт, характерная для представителей данного народа, выражающая его особенности, и, при всем их индивидуальном разнообразии, в значительной мере свойственная всем им.

Все это означает, что объект наук о человеке, при существовании его некоторого общего контура, в своих главных чертах так же специфичен для разных культур⁷ и так же окрашен в национальные цвета, как и объект наук об обществе. И не случайно отечественные интеллектуалы традиционно выводили методологические особенности российской социогуманитарной науки из специфики ее главного объекта – самой России. “Старую Русь надо угадать”, – писал Хомяков. “Все, что мы утверждаем о нашей истории, о нашем народе, об особенностях нашего прошедшего развития, все это угадано, но не выведено”, – вторил ему Самарин. А Киреевский подчеркивал, что «национальный “дух жизни” нельзя постичь отвлеченно-логическим мышлением», а можно – лишь “внутренней силой ума”⁸ [цит. по: 19, с. 57].

Еще более специфичной отечественная социогуманитарная наука выглядит в своей макро- и микросоциальной организации. Яркими примерами первой могут служить гигантизм советских НИИ социогуманитарного профиля, в которых беспрецедентно для мировой социогуманитарной науки находили себе пристанище по несколько тысяч человек, и самобытная дисциплинарная организация отечественной социогуманитарной науки, выражавшаяся в отсутствии одних дисциплин (например, социологии) и культивировании других, не имевших аналогов в других странах (например, истории одной партии и научного коммунизма), в уникальных трансформациях одних дисциплин в другие (например, той же социологии в исторический материализм). Конечно, эти явления можно списать на бюрократические

⁶ Здесь автор придерживается весьма распространенной в методологии науки дифференциации социальных (или общественных) наук – наук об обществе – и собственно гуманитарных (или поведенческих) наук – наук о человеке.

⁷ Свидетельством зависимости социогуманитарной науки от национальных особенностей ее объекта могут служить и психологические тесты, которые, будучи достаточно универсальным инструментом психологической науки и практики, вместе с тем при переводе с одного языка (как правило, английского) на другие неизбежно подвергаются адаптации, т.е. приспособлению к эмоциональным и смысловым особенностям соответствующей культуры.

⁸ Отдавая должное национальной специфике описанных методологических установок, ее вместе с тем не следует и переоценивать, имея в виду их близость некоторым продуктам западной социогуманитарной мысли, например, “понимающей психологии” В. Дильтея.

и идеологические болезни советской социогуманитарной науки, но при этом все равно придется признать сугубо отечественный, национальный характер обозначенных симптомов.

Микросоциальные особенности отечественной социогуманитарной науки, быть может, менее рельефны, чем макросоциальные, но малозаметны по той же причине, по которой мы не замечаем тиканья часов, которое слишком привычно, чтобы обращать на него внимание. Во всех своих ключевых характеристиках отечественное социогуманитарное сообщество выглядит еще более своеобразно, чем естественно-научное. Описанные выше призывы к “обрусению” отечественной науки, ее “германский комплекс” [19], поиски самобытности, желание российских ученых служить не самой науке, а обществу, тенденция к превращению научных теорий в действенные идеологии (вспомним: “не догма, а руководство к действию”) – это особенности прежде всего гуманитарной части российских интеллектуалов, в основном философов, которые они пытались распространить на всю науку, но преуспели главным образом в отношении науки социогуманитарной.

Сообщество советских социогуманитариев, что-то сохранив, что-то подрастеряв из наследия своих дореволюционных предшественников, безусловно, обогатило его новыми и самобытными национальными традициями. Большинство из таких традиций – два “присутственных” и три их антипода – “библиотечных” дня в неделю, постоянное чаепитие на рабочих местах, один рабочий стол, а иногда и стул, на несколько сотрудников, привычка решать научные вопросы на партийных собраниях и т. п. – формировали уникальную социально-психологическую атмосферу советского гуманитарного НИИ, которая зарубежным визитерам была столь же непонятна, как и “загадочный” российский менталитет. Эта атмосфера не исчерпывалась только ритуалами, которые сейчас вызывают иронию, но и включала много такого, что порождает ностальгию. Так, одной из ее главных слагаемых была атмосфера интеллектуализма, очень характерная для советской гуманитарной культуры и проявлявшаяся в настоящем культе красоты мысли, в том, что ее эстетика ценилась выше, чем практическая применимость, в чрезвычайной популярности таких людей, как М.К. Мамардашвили, для которых мышление было их образом жизни, в чем тоже можно уловить отголоски наших национальных особенностей.

И все же наиболее яркой особенностью социогуманитарных наук служит проявление наци-

ональной специфики в *когнитивной* слагаемой научного познания. Психологические исследования свидетельствуют о том, что каждая культура вырабатывает свой стиль социального мышления, характеризующийся использованием особых причинных категорий, специфическим соотношением внешней и внутренней причинности при объяснении социальных событий и т.д. Социальное мышление различных народов имеет свои особенности, причем различия обнаруживаются между представителями не только далеких культур, таких как, скажем, европейцы и японцы, которые, в отличие от европейцев, делают меньший акцент на внутреннюю и больший – на внешнюю причинность, но и достаточно близких культур, например, американцев и голландцев [27]. Стили социального мышления, формирующиеся в сфере обыденного объяснения, трансформируются в стили научного объяснения – вследствие тесной связи и большой преемственности двух форм познания [там же].

В результате социогуманитарная наука в разных странах имеет не только свои социальные, но и когнитивные особенности. К примеру, психологические теории, разработанные в Европе, более “социальны”, чем созданные в Америке, что принято считать проекцией на научное знание менее выраженного индивидуализма европейского общества, по сравнению с американским [1]. Рельефно проявляются и когнитивные особенности российской науки, в том числе и психологии. Например, Е.А. Климов пишет о том, что, в отличие от зарубежных психологов, «у авторов в российской традиции не принято было рекламировать себя, придавать “товарный вид” и звучные названия интеллектуальному продукту ... вешать яркие компактные вывески на свои научные достижения, в частности, оригинальные идеи, концепции» [9, с. 138–139], т.е. российским психологам свойствен менее “рыночный” стиль использования производимого ими знания. Е.В. Левченко отмечает, что “зарубежные концепции обозначены лаконично, ярко, образно, а отечественные – описаны многословно, громоздко, так, что содержание их основных идей приходится еще дополнительно извлекать из имеющихся текстов” [12, с. 129]. А Х. Балзер делает вывод о том, что советская и российская социогуманитарная наука отличаются склонностью к теоретическим разработкам (“сфера доски и мела”), затрудненностью коммуникации и закрытостью (“слабая диффузия результатов”), иерархичностью и тенденцией к воспроизведению тематики, разрабатывавшейся патриархами (“менторизм”) [30].

Ощутимый вклад в формирование когнитивных особенностей национальной социогуманитарной науки вносит и характерная для каждого народа модальная личность. Часто (и совершенно справедливо) отмечается, что ученые-социогуманитарии при перманентном недостатке объяснительных схем в арсенале своих наук черпают их из своей собственной феноменологии⁹, в том числе и из той “национальной феноменологии”, которая является обобщением специфического опыта данного народа и выражает его особенности. Проекция ученым его личного опыта, в первую очередь опыта самоанализа и саморефлексии, на изучаемые им объекты неизбежна, ведь, как отмечал еще И. Кант, самосознание – фон всех актов мышления¹⁰ [7], и к тому же научный опыт ученого всегда надстраивается над его обыденным опытом, он стремится, по выражению Дж. Холтона, “уяснить отдаленное, неизвестное и трудное в терминах близкого, самоочевидного и известного по опыту повседневной жизни” [35, с. 102]. Поэтому давно подмечено, что системы знания, разрабатываемые в социогуманитарных науках, запечатлевают в себе личностно-психологические особенности их авторов [37]. Так, в работах известного философа и не менее известного психолога У. Джемса психоаналитик Г. Ричардс не только уловил проявление его личностных особенностей, но и проследил перепады его настроения [там же]. А другой биограф этого ученого – Д. Бьорк – нашел прямую связь между общим складом его личности и характером разработанной им концепции – философии прагматизма [31]. То же самое сделано психобиографами в отношении З. Фрейда, К. Юнга, Дж. Салливена и многих других [см.: 16].

Подобные точечные примеры многочисленны и высвечивают общую закономерность – неизбежность проекции личностных особенностей ученых-социогуманитариев на способы и результаты их научных изысканий. При этом проецируются не только индивидуально-личностные, но и “модально-личностные” качества ученых, которыми они обладают в силу принадлежности к опреде-

ленной нации и культуре. Примером подобной двойной проекции может служить психоанализ, который несет на себе отпечаток не только личных психологических проблем З. Фрейда, но и той смешанной иудейско-христианской культуры, в которой он сформировался (широкое использование библейских метафор, образов Эдипа, Моисея и т.д.).

Таким образом, особенности национально-менталитета воздействуют на когнитивную составляющую научного познания различными способами, что имеет естественным результатом их представленность в вырабатываемом социогуманитарными науками *знании*. Доказательства в избытке присутствуют как на уровне “части” – конкретных систем знания, так и “целого” – национальной науки в целом, и поэтому данное утверждение может быть обосновано как индуктивным, так и дедуктивным путем. Во-первых, конкретные системы социогуманитарного знания обычно несут ярко выраженный национально-культурный отпечаток, а именно из таких систем в конечном счете и складывается социогуманитарная наука. Трудно представить себе психоанализ, разработанный не З. Фрейдом, а, скажем, прагматичным англосаксом, или прагматизм, созданный не У. Джемсом, а нашим непрактичным соотечественником – равно как и поменять в своем воображении географические координаты концепций, характерных для традиционной восточной и западной науки. Во-вторых, *вся* социогуманитарная наука, существующая в той или иной стране, имеет отчетливую национальную окраску, и чем больше выражена эта окраска, тем ярче и самобытнее национальная наука. Такие привычные нашему слуху выражения как “русская философия” или “немецкая классическая философия” – не артефакты и не обозначения конгломерата концепций, которые, по исторической случайности, были созданы в какой-либо стране, хотя с тем же успехом могли быть построены и в любой другой. Русская философия – это не просто философия, созданная в России, а именно *русская* (точнее, *российская*) философия, несущая на себе печать российского менталитета, им питаемая и вдохновленная. Идеи В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и др. вряд ли могли родиться в какой-либо другой стране, на какой-либо иной национальной почве.

То же самое можно сказать и о любой другой социогуманитарной науке. Например, отечественная психология по крайней мере до 1990-х гг., когда была предпринята очередная попытка перестроить всю российскую жизнь по западному образцу, в своих ключевых характеристиках была антиподом западной: развивалась не от эмпирии

⁹ Даже один из основателей радикального бихевиоризма – Э. Толмэн, стремившийся устранить из методического инструментария психологической науки все субъективное, однажды признался, что, пытаясь предсказать поведение изучаемых им крыс, регулярно задавал себе вопрос: “А что бы я сделал на ее (крысы. – А. Ю.) месте?” [38].

¹⁰ Иногда этому свойству мышления ученых-гуманитариев приписывается универсальный характер: “понимая нечто, субъект понимает самого себя и, лишь понимая себя, способен понять нечто” [17, с. 264]. Отсюда – прямой путь к известной метафоре Э. Фромма: “познай самого себя – это одна из главных заповедей силы и счастья человека” [22, с. 208].

к теории, а наоборот; основывалась на примате социально-культурной, а не внутриличностной или внутригрупповой детерминации; исследовательскую психологию превозносила намного выше практической и т.д., в чем, в отличие от попыток построить “марксистскую” психологию, сказывалось влияние не столько идеологического заказа или социально-экономических условий (хотя и их тоже), сколько особой национально-культурной среды. А в культурно-исторической теории, разработанной наиболее авторитетным и часто цитируемым за рубежом отечественным психологом – Л.С. Выготским – отобразился тот синтез традиционного российского, уходящего корнями в русскую философию, и еврейского стилей мышления, который, перефразируя приведенное выше высказывание Э. Фромма, можно назвать одним из главных источников силы советской науки. Да и вообще “для современной науки культуроспецифические способы постановки вопросов и различия в образе мыслей стали двигателем прогресса” [24, с. 92]. “Конформность и однообразие не имеют инновационного потенциала. Подавление всего культурно своеобразного в науке означает затухание важных источников нашей жизни” [там же, с. 93], что следовало бы учитывать поборникам реорганизации отечественной науки по западным образцам.

Резюмируя, можно констатировать, что национальные особенности науки проявляются во всех трех компонентах научного познания – в его объекте, процессе и продукте, характеризуя как социогуманитарные, так и в естественные науки. Но при этом проступают в них неравномерно, нарастая, во-первых, от естественных наук к социогуманитарным, во-вторых, от объекта, а затем продукта – к процессу научного познания, в-третьих, от когнитивной составляющей этого процесса – к социальной. В результате “понятие интернациональности науки имеет разное значение для различных типов науки, а также в отношении их содержания и методов” [24, с. 90].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. М.: Наука, 1978.
2. Аксаков К.С. Еще несколько слов о русском воззрении // Русская идея / Сост. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 112–117.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
4. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1987.
5. Герцен А.И. Prolegomena // Русская идея / Сост. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 118–128.
6. Ильин И.А. О русской идее // Русская идея / Сост. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 436–443.
7. Кант И. Сочинения в 6 т. М.: Прогресс, 1966. Т. 5.
8. Кареев Н.И. О духе русской науки // Русская идея / Сост. М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 171–184.
9. Климов Е.А. Общая психология. Общеобразовательный курс. Учебное пособие для вузов. М.: БНИТИ-ДАНА, 1999.
10. Коннов В.И. Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 19–27.
11. Косарева Л.М. Социокультурный генезис науки Нового Времени. М.: Наука, 1989.
12. Левченко Е.В. Отображение психоанализа в отечественных учебниках // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 128–137.
13. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.
14. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1998.
15. Молодцова Е.Н. Традиционные знания и современная наука о человеке. М.: Наука, 1996.
16. Мошкова Г.Ю., Юревич А.В. Психобиография – новое направление в изучении науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 67–75.
17. Порус В.Н. Искусство и понимание: Сотворение смысла // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Наука, 1990. С. 256–277.
18. Родный Н.И. Биография и логика // Человек науки. М.: Наука, 1964. С. 36–53.
19. Россия и Германия: Опыт философского диалога. М.: Медиум, 1993.
20. Степин В.С. Научное познание и ценности технологической цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
21. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984.
22. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990.
23. Шардыко С.К. Этнокультурная обусловленность выбора научной парадигмы: Проблемы энергетики как предмет методологической рефлексии. Автореф. дис. ... к. филос. н. Екатеринбург, 1998.
24. Шефер Б., Шледер Б. Интернациональность и национальное своеобразие науки // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 90–94.
25. Юревич А.В. Умные, но бедные: Ученые в современной России. М.: Изд-во МОНФ, 1998.
26. Юревич А.В. Психологические особенности российской науки // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 11–23.

27. Юревич А.В. Социальная психология научной деятельности. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2013.
28. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: Русский путь. Москва–Воронеж: Изд-во Института практической психологии, 1996.
29. Armagan M. Discussions of Islamic Science. Istanbul: Fetih ve Fatih, 1990.
30. Balzer H.D. Soviet science on the edge of reform. Boulder: Westview 1989.
31. Bjork D. The compromised scientist: William James in the development of American psychology. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1983.
32. Crombie A.S. What is the history of science? // History of European ideas. 1986. V. 7. № 1. P. 21–31.
33. Gavin W.J., Blakeley T.J. Russia and America: A philosophical comparison. Boston: D. Reidel Publ. Comp., 1976.
34. Harman P.M. The scientific revolution. London: Methuen, 1983.
35. Holton G. The thematic component in scientific thought. Austin, 1973.
36. Merton R. Social theory and social structure. Toronto, 1957.
37. Richards G. Of what is history of psychology a history? // British journal for the history of science. 1987. V. 20. № 65. P. 201–211.
38. Tolman E.C. Principles of purposive behavior // Psychology: A study of science. N.Y., 1959. V. 2.

WHETHER THE SCIENCE HAS NATIONAL FEATURES?

A. V. Yurevich

Corresponding member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, deputy director of the Federal State-Financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow

Whether the science can have national features? The author shows that, contrary to the widespread stereotypes denying a national originality of science, it is distinctly shown in all three components of scientific knowledge: in its object, process and a product. The national originality is observed both in socio-humanistic, and in natural sciences, but shown in them unevenly, accruing in three directions: 1) from natural sciences – to socio-humanistic; 2) from object, and then a product – to process of scientific knowledge; 3) from a cognitive component of this process – to social. The considerable attention in article also is paid to a national originality of the Russian science and national specifics of psychological knowledge.

Key words: scientific knowledge, natural and socio-humanistic science, national features of science.